

Алиса Скаут

Алиса ПОЗОЛОЧЕННАЯ КЛЕТКА

ОНА ДУМАЛА, ЧТО СБЕЖАЛА ОТ МОНСТРА. НО ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ОНА УКРАЛА ЕГО СЕКРЕТ.

18+

Алиса Скаут

Алиса - позолоченная клетка

<https://litres.ru/73896546>

SelfPub; 2026

Аннотация

Свадьба пахла пионами и дорогим шампанским. Сотни белых бутонов, похожих на взбитые сливки, плавали в хрустальных чашах; аромат смешивался с солоноватым ветром Финского залива, проникавшим сквозь распахнутые двери террасы. Ресторан-дворец в Репино — старинная усадьба с колоннами и лепниной, перестроенная в закрытый клуб для тех, чьи имена не печатают в светской хронике без лишней надобности.

Алиса Скаут

Алиса -

ПОЗОЛОЧЕННАЯ КЛЕТКА

Глава 1. Идеальный брак

Свадьба пахла пионами и дорогим шампанским. Сотни белых бутонов, похожих на взбитые сливки, плавали в хрустальных чашах; аромат смешивался с солоноватым ветром Финского залива, проникавшим сквозь распахнутые двери террасы. Ресторан-дворец в Репино — старинная усадьба с колоннами и лепниной, перестроенная в закрытый клуб для тех, чьи имена не печатают в светской хронике без лишней надобности.

Алиса стояла у окна, прячась за тяжелой портьерой цвета слоновой кости, и смотрела, как гости рассаживаются за столики на лужайке. Платье — воздушное, с открытыми плечами и шлейфом, струящимся, словно речная вода, — еще полчаса назад казалось ей украденным из чужой жизни. Теперь оно ощущалось собственной кожей. Она поправила веточку жасмина в волосах и глубоко вдохнула.

Счастье было таким полным, что от него кружилась голова.

— Ты дрожишь.

Голос Германа раздался сзади, заставив вздрогнуть. Он подошел неслышно, как делал всегда — кошачья грация, несовместимая с массивной фигурой и широкими плечами. Алиса повернулась и instantly расплылась в улыбке. Муж смотрел на нее сверху вниз с той особенной полуулыбкой, которая когда-то, полгода назад на благотворительном вечере, где она подрабатывала переводчицей с корейского, показала ей самой надежной вещью во Вселенной.

— Немного, — призналась она. — Мне кажется, за мной сейчас придут и скажут, что это ошибка. Что такие, как я, не выходят замуж за таких, как ты.

— Глупости, — Герман коснулся ее скулы костяшкой пальца и провел вниз, к подбородку. — Ты теперь моя жена, а фамилия Орлова открывает любые двери. Запомни это.

Она кивнула, хотя внутри все сжалось от слова «моя». Сжалось приятно, как от предвкушения подарка.

Все вокруг было прекрасно. Даже слишком. Сиротская память Алисы — детский дом в Елабуге, приемные семьи, от которых она уходила сама, не выдержав равнодушия, — услужливо подсовывала контрасты: общежитская кухня, запах подгоревшей гречки и чужие праздники, на которые ее не звали. Здесь же все было иначе. Сотни гостей (со стороны Германа, разумеется, ведь у нее осталась только одна подруга-волонтер из приюта для животных, сидевшая сейчас где-то в дальнем углу с бокалом апероля) — политики, владельцы заводов, какой-то замминистра с женой, похожей на

фарфоровую куклу. И все они смотрели на нее с вежливым любопытством, приправленным недоверием. Но главное — смотрел он. Герман.

Когда они обменивались кольцами, его холодные серые глаза вдруг потеплели, и Алиса едва не расплакалась. Священник (не простой, а модный столичный протоиерей с философским образованием) сказал что-то о вечной любви, но Алиса не слышала — она тонула в этом взгляде, обещавшем, что одиночество закончилось. Навсегда.

Нет, правда, были мелкие звоночки. Она вспоминала их теперь, прокручивая в памяти события дня, как перебирают четки. Первый — когда они только приехали в усадьбу, и распорядитель в строгом костюме сообщил, что шампанское «Кристалль» задерживается на таможне. Герману хватило одного звонка; через двадцать минут приземлился вертолет с ящиками. Тогда Алиса рассмеялась — подумаешь, чуждачества миллионера! — и не заметила, как побелело лицо координатора, как тряслись его руки, когда он принимал коробки.

Второй звоночек был громче.

Банкет перешел в стадию расслабленного хаоса. Алиса стояла в окружении незнакомых женщин, которые с восторженным придыханием трогали кружева на ее платье и спрашивали о медовом месяце. Она собиралась ответить, что они летят на частный остров в Индийском океане, когда боковым зрением уловила движение. Официант — совсем молодень-

кий парнишка, явно нанятый на один вечер из агентства, — замер столбом с подносом в руках. Прямо перед ним стоял Герман, спиной к Алисе, и что-то говорил другому мужчине, грузному, с генеральской выправкой. Парнишка неловко качнул подносом, стараясь обойти гостей, и один из фужеров — высокая хрустальная пирамида, наполненная розовым шампанским, — опрокинулся прямо на рукав светлого пиджака Германа.

Алиса затаила дыхание. Шампанское пролилось совсем чуть-чуть, несколько капель, но официант побледнел так, словно совершил преступление. И в этот момент Герман обернулся.

Он не закричал. Не сделал резкого движения. Просто положил ладонь на плечо парня — с виду дружеский жест — и наклонился к его уху. Алиса видела лишь часть лица мужа: скулу, уголок рта, бровь. Но ей хватило этого, чтобы почувствовать, как у нее самой похолодели кончики пальцев, хотя за окном светило послеполуденное солнце.

Лицо Германа на долю секунды перестало быть человеческим. Оно превратилось в застывшую маску, за которой клубилось что-то темное, холодное, лишенное всяких эмоций, кроме одной — спокойного, расчетливого бешенства. Губы шевельнулись, проговорив несколько слов — парнишка дернулся, как от удара током, и быстро закивал, прижимая поднос к груди.

Через мгновение Герман уже повернулся к генералу с

прежней непринужденной улыбкой, словно ничего не случилось. Официант исчез, растворился в толпе. Алиса моргнула. Генерал громко расхохотался какой-то шутке.

— Алиса, милая, ты нас слушаешь? — одна из дам дотронулась до ее локтя.

— Да-да, простите, — она выдавила улыбку. — Остров, кажется, называется Амандживо. Там нет ни души, только мы и персонал.

«Показалось, — сказала она себе. — Мало ли, что могло померещиться. Хрусталь блеснул на солнце, вот и искажилось лицо».

Но почему-то именно сейчас, стоя в свадебном платье, она вспомнила другую сцену — давнюю, из детства. Воспитательница в детдоме, грузная тетя Рая, однажды при всех отвесила пощечину девочке за разбитую чашку, а потом, заметив проверяющего из горono, мгновенно переключилась на елейный тон: «Деточка моя, дай я тебя поцелую». Тот же механизм, то же мгновенное переключение масок.

Алиса тряхнула головой, отгоняя непрошеную параллель. Это другое. Герман — сложный человек, да, он построил бизнес с нуля, он жёсток в делах, все так говорят. Но с ней он нежен. Он дал ей ключи от новой жизни, где не надо каждый месяц считать копейки до стипендии, где можно заниматься любимым делом — переводами старинных корейских текстов — не думая о деньгах. Где ее наконец-то любят.

Она нашла мужа глазами. Он поднимал бокал за гостей, произносил короткий тост — что-то о верности и силе. Их взгляды встретились, и Герман подмигнул ей. Теплая волна растеклась по телу, смывая остатки тревоги.

После ужина начались танцы. Первый вальс — обязательная программа, поставленная с хореографом за три занятия. Алиса кружилась, чувствуя сильную руку мужа на талии, и улыбалась так, что скулы сводило. Герман танцевал идеально — ни одного лишнего движения, как машина, но Алисе нравилась эта его собранность. Он вел уверенно, и она подчинялась, зная, что с ним не упадет.

Вечер катился к закату. Фотографы щелкали затворами, гости рассыпались в пожеланиях. Алиса выпила, кажется, лишнего — в голове приятно шумело. Она вышла на террасу подышать и наткнулась на ту самую подругу-волонтера, Катю. Катя, в простом платье-футляре явно не из бутика, нервно теребила сумочку.

— Ну как? — спросила она, и в голосе не было радости.

— Я самая счастливая женщина на свете, — искренне выдохнула Алиса. — Ты чего такая мрачная?

Катя помолчала, закусил губу.

— Слушай, мне, наверное, не стоило... Но этот твой Герман... Он меня пугает, Лис. Я видела, как он с теми официантами... У него глаза акулы. Ты его точно знаешь?

— Ты его совсем не знаешь, — Алиса нахмурилась. — Он очень много для меня сделал. И я люблю его. Пожалуйста, не надо сегодня портить.

Они обнялись на прощание, но осадок остался. В машине, увозившей их в свадебный люкс в центре города, Алиса молчала, прижавшись к плечу мужа. Тот рассеянно гладил ее по волосам перчаткой — шофер вел «Майбах», отделенный перегородкой.

— Устала? — спросил он.

— Немного. Но это лучший день в моей жизни, — она подняла голову и заглянула ему в глаза. — Спасибо тебе. За все.

Он усмехнулся, и в полумраке салона его лицо показалось вырезанным из мрамора.

— Не за что благодарить, Алиса. Ты теперь — Орлова. А семья — это главная корпорация. Мы только начинаем.

Она поцеловала его в щеку, и пряный запах его парфюма обволок ее, как кокон. В груди снова разлилось спокойствие, но где-то на самом дне, словно крошечный осколок стекла, застряла мысль: «Семья — корпорация. Не дом, не любовь — корпорация».

Алиса отмахнулась от нее. У богатых свои причуды. Главное, что у нее теперь есть семья. Своя. Навсегда.

Она еще не знала, что герметичный лимузин везет ее не

в новую жизнь, а в золотую клетку, дверца которой уже захлопнулась. И что первый день «вечного счастья» на самом деле стал днем, когда начался обратный отсчет до того момента, когда ей придется бежать без оглядки, зажимая в кулаке флешку с чужими смертельно опасными тайнами. Но это было потом, а сейчас — шампанское, поцелуи, усталое блаженство и иллюзия, которая рассеется ровно через двое суток.

Глава 2. Территория без свидетелей

Остров назывался Амандживо, что на языке суахили означало «место, где сбываются мечты». Герман упомянул это еще в самолете, когда они сидели в кожаных креслах частного джета, потягивая шампанское «Кристалль» — то самое, что задержалось на таможне, но его доставили прямиком на борт. Алиса тогда рассмеялась, сощурилась от солнца, бившего в иллюминатор, и подумала, что название ей нравится.

Сейчас, на третьи сутки медового месяца, она ненавидела это слово всеми фибрами души.

Все началось не сразу. Сначала была сказка. Белый песок, такой мелкий, что походил на сахарную пудру; океан цвета расплавленного аквамарина; вилла с панорамными окнами и бассейном-инфинити, край которого сливался с горизонтом. Персонал — человек десять — двигался бесшумно, возникая ровно в тот момент, когда требовалось убрать тарелку или наполнить бокал, и исчезая, словно испаряясь. Управляющий, сухопарый молчаливый француз по имени Жан-Люк,

носил белый китель и обращался к Герману исключительно «мсье Орлофф», а к ней — «мадам», избегая даже случайных взглядов.

Алисе это напоминало фильмы, которые она подростком смотрела в общаге детдома по старому телевизору — там тоже были богатые герои, красивые пейзажи и ощущение нереальности происходящего. Только в фильмах не показывали, как реальность начинает истончаться и рваться по швам.

Первая трещина случилась вечером первого дня.

Они ужинали на террасе. Заходящее солнце раскрасило небо в оранжево-розовые тона, где-то внизу мягко шумел прибой, горели свечи в фонариках из матового стекла. Алиса надела легкое шелковое платье, которое купила специально для медового месяца, и чувствовала себя восхитительно. Она ела лангуста с каким-то невероятным соусом из маракуйи, пила белое вино и рассказывала Герману о своей работе.

— Это потрясающе, понимаешь? — она подалась вперед, увлеченная собственным рассказом. — Манускрипт пятнадцатого века, династия Чосон. Там описана технология производства особой глазури для королевского фарфора — секрет, который считался утерянным. Мой научный руководитель говорит, если мы опубликуем перевод, это будет сенсация в мире искусствоведения.

Герман слушал молча, вращая ножку бокала между пальцами. Она продолжала, расписывая детали, и только че-

рез несколько минут заметила, что он не отвечает. Вообще. Только смотрит на нее с каким-то странным выражением лица.

— Что-то не так? — спросила она, осекаясь на полуслове.

— А что будет с этим проектом теперь? — спросил он тихо. — Учитывая, что ты теперь замужем за мной.

Она моргнула.

— В смысле? Я продолжу работу. Мы уже почти закончили перевод, осенью публикация...

— Алиса, — он аккуратно положил нож и вилку на тарелку, вытер губы салфеткой. Каждое движение было безукоризненно медленным. — Я думал, мы это обсуждали. Жена Германа Орлова не сидит в библиотеках. Жена Германа Орлова не публикует научные работы. Жена Германа Орлова занимается домом, благотворительными фондами и выглядит достойно.

— Но... я не понимаю. Ты же всегда поддерживал мои занятия. На нашем первом свидании ты сказал, что тебе нравится, что у меня есть собственное дело.

— На нашем первом свидании ты еще не была моей женой, — отрезал он. — А теперь ты — Орлова. Это не просто фамилия, это статус. У нас будут приемы, закрытые мероприятия, встречи с важными людьми. И я не собираюсь краснеть, когда кто-то спросит, где твоя супруга, а та ответит: «Она копается в старых корейских бумажках». Ты понимаешь, о чем я?

Алиса открыла рот и закрыла. В голове не укладывалось. Она вспомнила, как он дарил ей редкие словари, как интересовался ее работой, как говорил: «Восхищаюсь твоей страстью». Все это было до свадьбы.

— Это моя жизнь, — сказала она наконец, и голос прозвучал жалко, по-детски. — Ты не можешь просто так запретить мне заниматься тем, что я люблю.

— Я не запрещаю, — Герман наклонил голову набок, и на губах заиграла улыбка, от которой у нее внезапно свело желудок. — Я просто объясняю, как обстоят дела. Ты можешь хобби ради переводить что угодно. Но публикации, конференции, научная карьера... это несовместимо с ролью моей жены.

— Это не хобби, — прошептала она. — Это мое призвание.

— Детка, — он поднялся, обошел стол и встал у нее за спиной, положив тяжелые ладони на плечи. — Твое призвание теперь — быть рядом со мной. Расслабься. Привыкай. У тебя будет все, что захочешь. Платья, драгоценности, путешествия, лучшие рестораны мира. Разве этого мало?

Пальцы его сжались на ее плечах — не сильно, но достаточно, чтобы она почувствовала силу, скрытую за внешней расслабленностью. Алиса замерла. В висках стучало. Ей хотелось вскочить, прокричать что-то резкое, но инстинкт — старый, выработанный годами выживания в чужих семьях — велел замереть. Не провоцировать. Подождать. Оценить об-

становку.

— Конечно, — выдавила она. — Я поняла.

— Умница, — он поцеловал ее в макушку, и поцелуй этот показался ей горячим клеймом. — А теперь иди переодеваться. Через час придет катер с гостями — несколько моих партнеров, они отдыхают на соседнем атолле. Я хочу, чтобы ты выглядела безупречно.

Она встала на ватных ногах и пошла в спальню, чувствуя на спине его взгляд.

Вечер с гостями прошел как в тумане. Трое мужчин — все примерно возраста Германа, все богатые, все с одинаково хищными улыбками. Их жены — модельной внешности создания, говорящие исключительно о брендах и пластических операциях. Алиса просидела весь ужин, натянуто улыбаясь и почти не раскрывая рта. Когда одна из женщин спросила, чем она занимается, Герман опередил ее с ответом:

— Алиса сейчас берет перерыв, — сказал он с ангельской улыбкой. — Она у меня натура творческая, но теперь осваивается в новой роли.

И все понимающе закивали. Алиса вонзила ногти в ладонь под столом. «Осваивается в новой роли» — как собака, которую дрессируют.

Ночью, когда гости уехали, а вилла опустела, она попыталась заговорить с мужем снова. Он выслушал ее спокойно, а потом сказал:

— Давай кое-что проясним.

И начал раздеваться — медленно, аккуратно складывая одежду на стул. В рассеянном лунном свете, проникавшем сквозь панорамные окна, его обнаженный торс казался высеченным из камня. Алиса смотрела на него и впервые не чувствовала желания — только непонятный, липкий страх.

— Мы заключили с тобой сделку, Алиса, — говорил он, расстегивая запонки. — Ты получила мое имя, мои деньги, мою защиту. Взамен ты даешь мне лояльность, послушание и правильный образ. Это бизнес. Самый важный бизнес в моей жизни, потому что жена — это витрина мужчины. И я не позволю, чтобы моя витрина выглядела как блошинный рынок.

— Ты говоришь так, будто я вещь.

— Ты — моя жена, — он повернулся к ней, и в свете луны она увидела на его лице то самое выражение, что мелькнуло на свадьбе: холодное, отстраненное, нечеловеческое. — А это намного больше, чем просто женщина. Ты — часть моей империи. И ты будешь играть по моим правилам. Или...

— Или что? — выдохнула она, сама не зная, откуда взялась смелость.

Он подошел ближе, взял ее лицо в ладони, поднял на себя. Взгляд серых глаз был тяжел и непроницаем.

— Или ты узнаешь, что я делаю с теми, кто нарушает соглашения. Но лучше тебе этого не знать, правда?

Он поцеловал ее. Поцелуй был долгим, требовательным, и Алиса ответила — скорее из страха, чем из страсти. А потом

он погасил свет и взял ее, и это было похоже не на любовь, а на утверждение права собственности. Пока он двигался над ней, она смотрела в потолок, считала вентиляционные отверстия кондиционера (восемь штук) и думала: «Вот так это происходит. Вот так сказка становится ловушкой».

Наутро она проснулась с твердым намерением расставить точки над *i*. Но когда вышла к завтраку, Германа уже не было — Жан-Люк сообщил, что мсье отбыл по делам на материк и вернется к вечеру. А пока мадам может отдыхать и наслаждаться островом.

И тут она совершила главную ошибку этого дня — попыталась позвонить.

Телефон, новенький айфон последней модели, лежал на прикроватной тумбочке. Алиса взяла его в руки — и увидела сообщение от Кати: «Привет! Как медовый месяц? Надеюсь, ты счастлива. Напиши, как будет связь».

Она набрала ответ, но сообщение не отправилось. Она проверила wi-fi — сеть виллы исчезла из списка доступных. Мобильный интернет — отсутствует. Звонок — ни одна сотовая сеть не определялась.

Вилла оказалась информационным пузырем. Вакуумом.

Алиса сунула ноги в сандалии и пошла искать Жан-Люка. Нашла его у бассейна — он разговаривал с садовником, показывая на подстриженные кусты.

— Тут нет интернета, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — И связи.

Француз посмотрел на нее с выражением, которое было чуть более пустым, чем требовала ситуация.

— Мадам, мсье Орлофф распорядился отключить связь на время вашего пребывания. Ме##ный месяц — это время для уединения, *n'est-ce pas*?

— Но я хочу позвонить подруге. У меня пожилая соседка, я обещала проверить, как она...

— Прошу прощения, мадам, — он развел руками, изображая беспомощность. — Я всего лишь выполняю распоряжения. Если мадам что-то срочно нужно, она может обратиться к мсье, когда он вернется.

Она стояла посреди сада, сжимая бесполезный телефон в кулаке, и чувствовала, как изнанка реальности начинает проступать сквозь райские декорации — черная, гнилая, страшная. Она — на острове. Одна. Среди посторонних людей, которые подчиняются только ему. Без связи с внешним миром. Без права голоса, выбора и профессии.

Совсем одна.

Как в детдоме.

Она вспомнила: когда ей было девять, ее на месяц отправили в приемную семью, которая жила в глухой таежной деревне. Там не было телефона, не было дорог, не было автобусов. Только бесконечные сосны, комары и чужие люди, которым на тебя плевать. Она сбежала через три недели, добралась пешком до райцентра. Ее нашли, вернули, отправили обратно в детдом, а в «личное дело» записали: склонна

к побегам.

Теперь она снова на острове. Только тайга сменилась пальмами, а чужие люди носят белые кители.

Она медленно опустилась на шезлонг и заставила себя дышать ровно. «Не паниковать, — сказала она себе. — Думать. Думай, Алиса, думай. Ты выбиралась из худших ситуаций. Ты сирота, ты выживала в системе, ты знаешь, как это делается. Оцени обстановку. Найди слабые места. Составь план».

Но план не составлялся. Слабых мест не находилось. Остров — замкнутая экосистема, где все контролирует он. Камеры на вилле. Охрана на причале. Лодки, ключи от которых у управляющего. Ближайшая земля в трехстах километрах, она помнила это по карте, которую они смотрели в самолете.

Она случайно взглянула на левое запястье, где на золотом браслете-цепочке висела крошечная пластинка с гравировкой: «А.О. — Н.О. Навсегда». Он надел ей этот браслет вчера утром, застегнул собственноручно и ключ выбросил в океан, смеясь. «Теперь ты моя навечно. Без вариантов».

Тогда это казалось романтическим. Теперь — жутким.

День тянулся бесконечно. Она бродила по вилле, заглядывала в шкафы и ящики, делала вид, что изучает интерьер. Библиотека: книги на трех языках, в основном деловая литература и биографии магнатов. Кухня: персонал вежливо, но настойчиво выпроводил ее под предлогом, что мадам не место среди кастрюль. Кабинет Германа: заперт.

Она остановилась перед дверью кабинета, провела паль-

цами по темному дереву. Заперт. Внутри что-то есть. Что-то, что он не хочет ей показывать.

«Вернусь», — подумала она. И пошла дальше.

К вечеру вернулся Герман. Он возник на пороге виллы свежий, пахнувший дорогим парфюмом, с букетом орхидей в руке. Улыбался так, будто вчерашнего разговора не было вовсе.

— Скучала? — спросил он, притягивая ее к себе.

— Очень, — ответила она, натягивая на лицо маску. — Ты оставил меня без связи.

— Ах, это, — он небрежно махнул рукой. — Связь? Зачем она тебе? Ты здесь со мной, больше никто не нужен.

— Я хотела позвонить Кате. И проверить ту самую соседку, помнишь, я говорила? Ей восемьдесят два.

— Я распоряжусь, чтобы кто-нибудь навестил твою соседку.

— Герман, — она отстранилась. — Я серьезно. Ты не можешь держать меня без связи, как в тюрьме. Это ненормально.

Он посмотрел на нее долгим, оценивающим взглядом.

— Ненормально? — переспросил он. — А что ты понимаешь в норме, девочка, выросшая по детским домам?

Слова ударили наотмашь. Алиса замерла. Он никогда, никогда не позволял себе такого — даже намек на ее прошлое в негативном ключе. Она смотрела на него и не узнавала. Или наоборот — впервые узнавала по-настоящему.

— Я знаю одно, — сказала она тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Нормальные люди не запирают друг друга.

— А нормальные мужья не слушают, как их жены поливают грязью их образ жизни перед чужими людьми, — отрезал он. — Я получаю отчеты, Алиса. Я знаю, что ты вчера говорила моим партнерам. Каждое слово.

— Я ничего такого не говорила.

— Ты молчала, — он улыбнулся, и улыбка эта была страшнее любой гримасы. — Молчание — хуже слов. Ты выглядела как напуганная мышь, а не как жена миллиардера. Это меня оскорбляет. Я предоставляю тебе все — и получаю взамен позор.

У нее задрожали руки.

— Я просто... я не знакома с этими людьми, я не знала, что говорить...

— Вот именно. Ты не знаешь. Поэтому лучше всего тебе пока помолчать и поучиться. Я пригласил специалиста по этикету, она прилетит на следующей неделе. А пока, — он протянул ей бокал с шампанским, который непонятно откуда возник в его руке, — выпей и расслабься.

Она не взяла бокал. Он поставил его на стол, пристально глядя на нее.

— Что? — спросил он. — Бунт? Решила показать характер?

— Я хочу домой.

— Твой дом теперь здесь, — сказал он жестко. — Твой

дом там, где я. Запомни это, Алиса. Раз и навсегда.

Она повернулась и ушла в спальню. Закрывает дверь. Прислонилась к ней спиной и сползла на пол. Из глаз хлынули слезы — злые, обжигающие. Она плакала молча, до боли кушая костяшки пальцев, чтобы не издать ни звука.

Где-то глубоко внутри просыпалась та самая девочка из детдома — упрямая, дикая, не доверяющая никому. Та, что сбегала из приемных семей. Та, что выживала в драках и умела прятаться так, что ее не могли найти сутками.

Она подумала: «Надо бежать».

Сразу же одернула себя: куда? Кругом океан, чужие люди, ни паспорта, ни денег. Но мысль уже засела в голове, пустила корни, как сорняк. Бежать. Спасаться. Исчезнуть.

Она поднялась с пола, утерла слезы и подошла к окну. Солнце садилось в океан, окрашивая небо в кроваво-красный. Вид был восхитительно, убийственно красив. И до ужаса фальшив.

Она вспомнила о запертом кабинете. И о том, что управляющий каждое утро открывает все комнаты для проветривания. И о том, что Жан-Люк носит ключи в кармане белого кителя, а китель, когда он работает в саду, висит на вешалке в служебном помещении.

Она не знала, что именно ищет. Но интуиция — старая подруга всех, кто вырос в детдоме, — подсказывала: в кабинете Германа есть что-то важное. Что-то, что может пригодиться.

Алиса выдохнула, расправила плечи и пошла в ванную — умываться, приводить себя в порядок, готовиться к ужину. Нужно играть роль счастливой жены. Улыбаться. Молчать. Ждать удобного момента.

Она научилась этому давно — и теперь вспомнила забытое искусство притворства.

За ужином она была безупречна. Платье, макияж, легкая улыбка, негромкий смех над его шутками, благодарный кивок на предложение завтра съездить на соседний остров — там, по словам Германа, живут колонии редких фламинго. Он смотрел на нее с удовлетворением собственника, чья вещь наконец-то ведет себя правильно. Она же смотрела на него и видела врага.

В ту ночь, когда он уснул, она лежала без сна, уставившись в темноту. Думала. Считала варианты. Их было мало, но они были.

Где-то вдалеке шумел океан — равнодушный, бесконечный, отделяющий ее от свободы. Но Алиса уже начала плести нити побега. Осталось только найти слабое место в этой позолоченной клетке.

И она его найдет.

Обязательно найдет.

Глава 3. Первый контакт с правосудием

План созрел на четвертые сутки. Безумный, отчаянный, рожденный не столько разумом, сколько тем самым древним инстинктом, который гонит загнанного зверя на пролом.

Алиса понимала: если она останется на острове, ее сломают. Медленно, методично, с улыбками и шампанским. Превратят в фарфоровую куклу с пустыми глазами — одну из тех женщин, что сидели за ужином с мужьями-акулами и говорили только о брендах.

Она не дастся.

Утро началось как обычно. Завтрак на террасе, Герман в безукоризненно белой рубашке, листающий новости на планшете (интернет у него, разумеется, был), Жан-Люк с неизменным кофейником. Алиса жевала круассан и украдкой наблюдала за причалом.

За три дня она выучила распорядок. В девять утра охранник заступал на пост у главного входа. В девять пятнадцать садовник заводил свой электрокар и уезжал на дальний конец острова. В девять тридцать Жан-Люк удалялся в служебное помещение для телефонной конференции с поставщиками — она подслушала это вчера, проходя мимо кухни.

И еще она знала: у дальнего пирса, который не видно с террасы, пришвартована маленькая моторная лодка. Та самая, на которой персонал ездит на материк за продуктами. Ключ, по ее наблюдениям, хранился в ящике под капитанским сиденьем — она видела это, когда их встречали в первый день: рулевой просто сунул ключ и ушел.

Триста километров до материка — на такой лодке не доплыть, бензина не хватит. Но в двадцати милях к северу, она помнила по карте в самолете, лежал небольшой обитаемый

атолл. Там была гостиница, там были люди, там был телефон. Добраться туда, позвонить Кате, попросить помощи...

План был плох. Чудовищно плох. Но других не было вообще.

В девять двадцать пять она сказала Герману, что хочет прогуляться по пляжу в одиночестве — собраться с мыслями после вчерашнего. Он усмехнулся, явно довольный тем, что его дрессировка дает результаты, и махнул рукой:

— Иди, конечно. Только не опаздывай к обеду. Сегодня приедет мой юрист, будем обсуждать кое-какие бумаги.

— Бумаги? — насторожилась она.

— Ничего важного, формальности, — он уже уткнулся в планшет.

Алиса выскользнула из виллы, стараясь идти медленным, расслабленным шагом — так, как ходят на прогулку, а не на побег. Пляж, пальмы, белый песок. Сердце колотилось в горле. Она свернула за скалистый выступ и прибавила шаг.

Дальний пирс показался через десять минут. Лодка была на месте — небольшая, метров пять в длину, с подвесным мотором. Алиса огляделась. Никого. Только чайки орали над головой и океан мерно дышал внизу.

Она ступила на пирс. Деревянные доски скрипнули под ногами. В три шага достигла лодки, перегнулась через борт, нащарила рукой под сиденьем...

Пусто.

Ключа не было.

Она замерла. По спине пробежал холодок. Проверила еще раз — ничего. Рывком откинула банкетку, осмотрела днище — пусто.

— Мадам что-то ищет?

Голос раздался так близко и так неожиданно, что она вскрикнула. На пирсе, в пяти шагах от нее, стоял улыбающийся Жан-Люк.

Откуда он взялся? Почему она не слышала шагов?

— Я... я просто гуляла, — выдавила она, ненавидя дрожь в собственном голосе. — Интересовалась лодкой. Никогда такой не видела.

— Моторная лодка «Бостон Уэйлер», — сообщил француз тоном экскурсовода. — Мсье распорядился убрать с нее ключ зажигания. Кажется, он беспокоится о безопасности мадам. Океан бывает коварен.

Последняя фраза прозвучала почти издевательски. Или ей показалось?

— Идемте, мадам, я провожу вас обратно. Мсье будет волноваться.

Она молча пошла за ним, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Ее план провалился, не успев начаться. Он знал. Предусмотрел. Просчитал ее шаг раньше, чем она его сделала.

Герман ждал на террасе. Когда Алиса поднялась по ступеням, он поднял глаза от планшета и улыбнулся. Но улыбка была другая — не та, что утром. Холодная. Торжествующая.

— Прогулялась? — спросил он.

— Да, — она старалась говорить ровно. — Красиво.

— Особенно у дальнего причала, правда? — он отложил планшет и поднялся. — Вид оттуда замечательный.

Внутри у нее все оборвалось. Он знал. Каким-то образом он знал каждый ее шаг.

— Садись, — он указал на кресло напротив. — Нам нужно серьезно поговорить.

Она села, держа спину неестественно прямо. Он остался стоять, возвышаясь над ней. Власть, упакованная в белый лен и парфюм с древесными нотами.

— Я разочарован, Алиса, — начал он, и каждое слово падало, как камень. — Очень разочарован. Я думал, мы поняли друг друга. Я дал тебе все. Все, о чем может мечтать девушка твоего происхождения. А что делаешь ты? Пытаешься сбежать. Украсть лодку. Устроить скандал.

— Я не...

— Не лги, — отрезал он. — Мне доложили, как только ты вышла с виллы. Ты действительно думала, что сможешь просто взять и уплыть? Здесь двадцать человек персонала, камеры по всему периметру, спутниковое наблюдение. Ты — моя жена, и каждое твое движение отслеживается. Привыкай.

Алиса смотрела на него, и мир вокруг сужался до размера этой террасы. Камеры. Наблюдение. Она даже не подумала о камерах.

— Чего ты хочешь? — спросила она тихо. — Зачем тебе

все это? Зачем было жениться на мне, если ты хотел просто игрушку?

— Я хочу дисциплины, — ответил он. — И уважения. Ты путаешь любовь с вседозволенностью. Любовь — это послушание. Когда ты это усвоишь, нам станет гораздо легче.

— Послушание — не любовь. Это рабство.

— Называй как хочешь, — он пожал плечами. — Факт остается фактом: ты принадлежишь мне. И сегодня я покажу тебе, что бывает с теми, кто забывает об этом.

Он извлек из кармана телефон, набрал номер, сказал несколько коротких фраз. Она не разобрала слов — он говорил тихо и быстро. Закончив, повернулся к ней с прежней холодной улыбкой.

— Мы едем в город.

— Зачем?

— Увидишь.

Вертолет приземлился на лужайке перед виллой через сорок минут. Герман молча взял ее за локоть — не больно, но цепко, как берут преступника при задержании — и повел к трапу. Алиса не сопротивлялась. Она была слишком ошеломлена, чтобы бороться.

До материка долетели за час. Внизу проплыл океан, потом показалась береговая линия, потом какие-то портовые постройки. Вертолет сел на частной площадке, где их уже ждал черный «Мерседес» с тонированными стеклами.

— Куда мы? — спросила Алиса, когда машина тронулась.

— В отделение полиции, — сказал Герман, глядя в окно.

Она не поверила. Решила, что ослышалась. Но через пятнадцать минут «Мерседес» действительно остановился у двухэтажного здания с гербом над входом и надписью «УВД по Западному округу».

— Зачем? — прошептала она.

— Ты хотела справедливости? Ты хотела защиты закона?

— Герман повернулся к ней, и в серых глазах плескалось что-то темное, торжествующее. — Я дам тебе это. Идем.

Внутри пахло хлоркой и дешевым кофе. Серые стены, пластиковые стулья в коридоре, усталые люди в форме. Алиса шла за мужем, ничего не понимая. Герман, казалось, ориентировался здесь как дома — кивнул дежурному на входе, поднялся на второй этаж, толкнул дверь с табличкой «Начальник отдела».

Их ждали. Трое мужчин — один в штатском, двое в форме со знаками различия. Начальник отдела — грузный, с багровым лицом и маленькими колючими глазками — поднялся навстречу, расплываясь в улыбке:

— Герман Викторович! Какая честь! Проходите, проходите. Кофе? Коньяк?

— Кофе, пожалуйста, — Герман ответил рукопожатием, и в этом рукопожатии было что-то от масонского ритуала. — Моя жена, Алиса.

— Очень приятно, — начальник скользнул по ней взглядом, и во взгляде этом не было ни капли интереса к ней как

к человеку. Только оценка: собственность Орлова, красивая, молодая. — Прошу садиться.

Она села. Герман устроился рядом, положил ногу на ногу, расслабился.

— У нас деликатная ситуация, Петр Семенович, — начал он с той особенной интонацией, которую Алиса уже начала ненавидеть. — Моя супруга... несколько дезориентирована. Стресс после свадьбы, гормональные перестройки. Вы меня понимаете.

— Понимаю, понимаю, — закивал начальник. — У самого жена, знаете ли... бывает.

— Она вообразила, что я ее удерживаю насильно на нашем острове, — продолжал Герман с печальной улыбкой. — Представляете? Медовый месяц, райское место, а ей кажется, что она в плену. Сегодня даже попыталась самостоятельно покинуть виллу на лодке, что было крайне опасно — она не умеет управлять моторными судами.

— Как же так, Алиса... простите, не знаю вашего отчества? — начальник посмотрел на нее.

— Можно просто Алиса, — сказала она скованно.

— Алиса, — он покатал имя на языке, словно пробуя на вкус. — Алиса, вы должны понять: ваш муж заботится о вашей безопасности. Побег, истерики — это не метод. Вы замужем за уважаемым человеком. Вам повезло.

— Я не истерю, — сказала она, и голос предательски дрогнул. — Я хочу уехать. Он не дает мне связи, отключил ин-

тернет, я не могу позвонить подружке...

Начальник и Герман переглянулись. В этом взгляде было понимание — мужское, снисходительное, заговорщицкое.

— Видите? — Герман развел руками. — Фиксация. Мания преследования. Я пытаюсь создать ей комфортные условия для отдыха, а она интерпретирует это как ограничение свободы.

— Товарищ майор, — Алиса повернулась к одному из силовиков, молодому, с усталым лицом, который до сих пор молчал. — Выслушайте меня. Я в здравом уме. Меня удерживают на острове против моей воли.

Майор открыл рот, но начальник перебил его раньше, чем он успел что-то сказать:

— Алиса, деточка, — в голосе его появились нотки отеческой строгости. — Я понимаю: у молодых жен бывают фантазии. Но вы должны понять одну вещь. Ваш супруг — уважаемый член нашего общества. Председатель попечительского совета благотворительного фонда ветеранов МВД. Мы с ним работаем много лет. И если Герман Викторович говорит, что вы нуждаетесь в отдыхе и покое, значит, так оно и есть.

— К тому же, — добавил один из силовиков, — если вы подадите заявление о насильственном удержании, мы будем вынуждены провести проверку. И знаете, что мы найдем? Богатого мужа, который пытается защитить жену от ее же необдуманных поступков.

— А если понадобится, мы можем найти и свидетелей, ко-

которые подтвердят, что вы сами не в себе, — добавил начальник, и улыбка его стала жестче. — Детский дом в анамнезе, нервные срывы, попытка кражи лодки — это уже тянет на статью, вы в курсе?

У Алисы потемнело в глазах.

— Какую статью? — прошептала она.

— Неправомерное завладение транспортным средством. Лодка — собственность корпорации вашего мужа, — начальник откинулся в кресле и закурил, не спросив разрешения. — Но мы же не хотим доводить до этого, правда? Вы умная девочка. Поезжайте обратно на остров, отдыхайте, приводите нервы в порядок. А мы закроем глаза на это маленькое недоразумение.

Алиса оглядела комнату. Четыре человека. Четверо мужчин, для которых она — не жертва, а проблема. Нервная жена большого человека. Истеричка, которую нужно усмирить. Девчонка из детдома, которой посчастливилось подобраться к кормушке, а она, неблагодарная, еще и выкобенивается.

Закон. Она рассчитывала на закон. Но закон сидел напротив нее с багровым лицом и курил, пуская дым в потолок, и обещал «закрыть глаза» на ее попытку спастись.

— Я поняла, — сказала она. Слова падали с губ почти беззвучно. — Я все поняла.

— Вот и умница, — начальник поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. — Герман Викторович, всегда рады вас видеть. Передавайте привет супруге.

— Передам, — усмехнулся Герман и поднял ее со стула легким, но не терпящим возражений движением.

В машине она молчала. Он тоже молчал — смотрел в окно, пока «Мерседес» вез их обратно к вертолетной площадке. Потом заговорил, не поворачивая головы:

— Это был урок, Алиса. Я надеюсь, ты его усвоила. У меня есть деньги, связи, власть. Все, что ты можешь сделать — рыпаться, жаловаться, писать заявления — приведет только к тому, что тебя же и обвинят. В истерике, в неадекватности, в чем угодно. А меня оправдают. Всегда.

Она смотрела на его профиль — жесткая линия скулы, плотно сжатые губы, каменный подбородок — и думала о том, что выйти замуж за этого человека было самой большой ошибкой в ее жизни. И что теперь она даже не человек — она экспонат, вещь, строчка в его списке активов.

— Я усвоила, — сказала она.

И в этот момент внутри нее что-то переключилось. Словно тумблер перевели из положения «страх» в положение «холодная ярость». Она больше не будет рыпаться открыто. Она будет ждать. Наблюдать. И когда он потеряет бдительность — а он потеряет, все они теряют, — она нанесет удар. Не в полицию. Не в суд. Она найдет другой способ.

Вертолет взмыл в небо, унося ее обратно в позолоченную клетку. Внизу проплывал город — равнодушный, многолюдный, свободный. Алиса смотрела на него сквозь плексиглас иллюминатора и мысленно прощалась.

До следующей попытки.

Где-то внизу, в одной из квартир, ее подруга Катя набира-ла уже десятое сообщение, которое не доходило до адресата. «Лиса, ты куда пропала? Ответь, я волнуюсь». Но ответа не было. И не будет — пока Алиса не найдет способ разорвать этот круг.

Она найдет.

Теперь она знала врага в лицо. Знала его силу. И знала, что в честной схватке ей не победить. Что ж, она никогда и не играла честно — этому жизнь научила сироту задолго до того, как она надела белое платье и поклялась в вечной любви человеку, сделавшему ее пленницей.

Глава 4. Инцидент на благотворительном вечере

Прошло десять дней. Десять долгих, выматывающих дней, за которые Алиса научилась улыбаться так, что даже сама верила в эту улыбку.

Она больше не спорила. Не задавала вопросов. Не пыталась дозвониться Кате — телефон по-прежнему оставался бесполезным куском пластика, но она перестала хвататься за него каждое утро. Вместо этого она плавала в бассейне, читала книги из библиотеки, вежливо поддерживала беседу с прилетавшим на два дня специалистом по этикету. За обедом улыбалась. За ужином смеялась его шуткам. По вечерам покорно принимала его ласки, научившись отключаться от происходящего — старый трюк, освоенный еще в детстве, когда нужно было пережить очередной унижительный мед-

осмотр или крик воспитательницы.

Герман был доволен. Он расслабился — ровно настолько, насколько она и рассчитывала.

«Урок» в полицейском участке должен был ее сломать. И сломал бы, если бы не одно обстоятельство: Алиса росла в системе, которая только и делала, что ломала таких, как она. Каждый год — новая приемная семья, новые правила, новое унижение. Она научилась главному искусству слабых: казаться сломанной, оставаясь целой внутри.

Теперь она применяла это искусство против мужа.

На десятый день вечером, когда они ужинали на террасе, Герман отложил вилку и посмотрел на нее с тем особенным выражением, которое означало: сейчас прозвучит что-то важное.

— Завтра мы летим в Москву, — сообщил он.

Внутри у Алисы все сжалось. Москва. Большой город. Люди. Возможно, шанс.

— Зачем? — спросила она ровным тоном, стараясь не выдать волнения.

— Ежегодный благотворительный вечер фонда «Перспектива». Я — председатель попечительского совета. Будут все: губернатор, пара министров, послы. Тебе нужно там быть.

— Я думала, ты не хочешь, чтобы я появлялась на людях, пока не закончу курс этикета.

— Курс — это формальность, — отмахнулся он. — Ты достаточно усвоила. Тем более, люди начинают задавать во-

просы: почему жена Орлова не появляется на мероприятиях? Это странно. А странность — это подозрительно. Ты поедешь.

Она кивнула, подавляя вспышку надежды. «Спокойно, Алиса. Не обольщайся. Он будет следить за каждым твоим шагом».

Но все равно — Москва. Там улицы, метро, миллионы людей. Там можно затеряться. Там можно...

Она оборвала мысль на полужаде. Рано. Сначала разведка.

Ранним утром они вылетели частным бортом. Алиса смотрела в иллюминатор, как внизу проплывает страна — зеленая, просторная, свободная. Рядом Герман работал с ноутбуком, иногда бросая короткие фразы в телефон. Его присутствие ощущалось как гравитационное поле: подавляющее, искажающее пространство вокруг себя.

В Москве их встретил кортеж из двух машин. Понеслись по Кутузовскому, обгоняя пробки по выделенной полосе. Алиса жадно разглядывала город — такой близкий и такой недоступный, как экспонат за музейным стеклом. Прохожие на тротуарах, студенты с кофе, женщины с колясками... Все они были свободны. Могли пойти куда угодно, позвонить кому угодно, сказать что угодно.

Она завидовала им до боли в груди.

Особняк, в котором проходил вечер, располагался на Пречистенке — старинное здание с лепниной, колоннами и мра-

морной лестницей, устеленной красной ковровой дорожкой. Фотографы, вспышки камер, гул голосов. Герман вышел из машины первым, подал ей руку, и Алиса ступила на ковровую дорожку, ощущая, как десятки объективов нацеливаются на нее.

На ней было платье, которое он выбрал лично. Темно-синее, в пол, с закрытым верхом и открытой спиной. Бриллиантовое кольцо на шее — тяжелое, холодное, словно ошейник. Прическа — гладкий пучок, над которым два часа колдовал стилист. Макияж — безупречный, делающий ее лицо похожим на фарфоровую маску.

— Улыбайся, — шепнул Герман, сжимая ее локоть. — Ты — жена Орлова. Не забывай об этом ни на секунду.

Она улыбнулась. Вспышки засверкали чаще.

Фойе особняка напоминало дворцовый зал. Позолота, хрустальные люстры, живые цветы в человеческий рост. Гости — мужчины в смокингах, женщины в вечерних туалетах от кутюр — двигались плавно, словно исполняя какой-то сложный, известный только им танец. Алиса сразу узнала несколько лиц: тот самый замминистра с женой-фарфоровой куклой, что были на свадьбе. Генерал, которому Герман что-то нашептывал. Телеведущий, чье лицо она помнила по новостям.

— Орлов! — к ним уже спешил, распахнув объятия, крупный мужчина с бакенбардами. — Герман, дорогой! Представь же меня своей прелестной супруге!

Алиса автоматически включила режим «идеальная жена». Улыбка. Кивок. «Очень приятно». «Спасибо за теплые слова». «Да, медовый месяц был чудесен». Она произносила эти фразы, не вдумываясь в смысл, а сама лихорадочно сканировала пространство: где выходы? Где служебные помещения? Есть ли охрана?

— ...и я ему говорю: если бы ты женился, как я, проблем бы не было! — гремел мужчина с бакенбардами, и Герман вежливо усмехался. — Жена — это тыл, это опора. Верно я говорю, Алиса?

— Безусловно, — пропела она.

— Умница, — Герман сжал ее талию. — Прошу меня простить, Аркадий, нужно поприветствовать губернатора.

Они двинулись дальше. Рука Германа на ее талии ни на секунду не ослабляла хватки. Она чувствовала себя манекеном, который перевозят из одного зала в другой, демонстрируя публике.

— Кто эта женщина в красном? — спросила она, заметив высокую брюнетку, которая смотрела на Германа с плохо скрываемым интересом.

— Неважно, — отрезал он. — Смотри только на меня.

— Я просто спросила...

— Ты здесь не для того, чтобы спрашивать. Ты здесь, чтобы выглядеть.

Алиса сглотнула и снова нацепила улыбку.

Банкетный зал поражал роскошью. Длинные столы с бе-

лоснежными скатертями, серебряные приборы, нежные цветочные композиции. Алису усадили рядом с Германом во главе стола — она оказалась зажата между ним и каким-то пожилым дипломатом, который тут же принялся рассказывать о своей коллекции антикварных часов. Она кивала, поддакивала, делала вид, что слушает, а сама продолжала изучать обстановку.

Выходов она насчитала четыре. Два основных — через банкетный зал и через фойе. Один служебный — за портьерой в дальнем конце. И еще один, кажется, вел в зимний сад. Охрана: минимум шесть человек в штатском, плюс люди у входа.

Плохо. Очень плохо. Но она хотя бы запомнила расположение.

Ужин тянулся бесконечно. Сменили шесть блюд — каждое размером с наперсток и украшенное так, что жалко есть. Произносились тосты — за благотворительность, за будущее, за «наших прекрасных дам». Алиса пригубливала шампанское, но пить отказывалась — нужно сохранять ясную голову.

После ужина началась неофициальная часть. Гости разбрелись по особняку, сбиваясь в кучки по интересам: политики — в курительную, бизнесмены — к бару, их жены — в дамскую гостиную. Герман увлек Алису в угол, где уже стояли две пары: тот самый генерал с супругой и еще один мужчина, которого она не знала.

— Познакомься, — Герман подтолкнул ее вперед. — Это Антон Ильич, мой старый друг, прокурор Западного округа.

Прокурор. Тот самый, который «старый друг». Алиса вежливо кивнула, чувствуя, как внутри поднимается тошнота.

— Наслышан о вас, Алиса, — прокурор растянул губы в улыбке, которая не затронула глаз. — Герман Викторович рассказывал. Говорит, вы у него с характером.

— Характер — дело поправимое, — вмешался Герман, и все трое мужчин рассмеялись — негромко, снисходительно. — Правда, дорогая?

— Конечно, — выдавила она.

— Она у меня еще дикарка, — продолжал Герман, и каждое слово было как пощечина. — Но ничего, обтешем. Верно я говорю, господа?

— Обязательно обтешем, — кивнул генерал, окидывая ее оценивающим взглядом. — Порода — дело наживное.

Алиса стояла, вонзив ногти в ладонь, и улыбалась. Улыбалась так, что сводило скулы. Они говорили о ней так, словно ее здесь не было. Словно она — породистая собака, которую привели на выставку. «Дикарка». «Обтешем». «Порода — дело наживное».

В какой-то момент краем глаза она заметила движение у служебного входа. Официант — тот самый парнишка со свадьбы! — нес поднос с шампанским. Увидев Германа, он вздрогнул и поспешно свернул в другую сторону. Алиса запомнила это.

— Дорогая, — голос Германа вывел ее из оцепенения. — Принеси мне бокал. Вон там, у стойки. «Кристалль», только «Кристалль», запомни.

Это даже не было просьбой. Приказ.

Она молча кивнула и направилась к бару. Пересекла зал, чувствуя на себе взгляды — любопытствующие, оценивающие, равнодушные. У стойки взяла бокал и на мгновение задержалась. Осмотрелась.

Никто не обращал на нее внимания.

Она скользнула взглядом по гостям — все были заняты собой. Герман увлекся разговором с прокурором и отвернулся. Генеральская жена что-то щебетала, не глядя в ее сторону. Охрана — вон они, у входа, скучающие, разомлевшие после долгого вечера.

Момент.

Алиса сделала шаг в сторону. Еще один. Спокойно, ослабленно — просто женщина, разглядывающая картины на стенах. Дошла до портьеры в дальнем конце зала. Огляделась еще раз. Никто не смотрел.

Она скользнула за портьеру.

Служебный коридор. Тусклый свет, голые стены, пахнет кухней. В конце — дверь, наверняка ведущая на задний двор. До нее было метров пятнадцать.

Алиса сделала шаг.

— Мадам?

Она замерла, сердце рухнуло в пятки. Из боковой двери

вышел Жан-Люк. Тот самый Жан-Люк с острова, в неизменном белом кителе. Он смотрел на нее с вежливой улыбкой, но глаза были холодны и цепки.

— Вы что-то ищете? — спросил он по-французски.

— Я... — она судорожно соображала. — Я искала дамскую комнату.

— Дамская комната в противоположной стороне. Позвольте вас проводить.

Он протянул руку — не взять ее под локоть было невозможно, она сама не заметила, как это произошло. И вот уже Жан-Люк ведет ее обратно через зал, и гости расступаются перед ними, и Герман смотрит на нее с другого конца зала, и в его взгляде — ни удивления, ни гнева. Только холодное, спокойное торжество.

— А вот и ты, — сказал он, когда Жан-Люк доставил ее обратно. — Принесла шампанское?

Бокал. Она так и держала его в руке. Даже не расплескала.

— Да, — сказала она, протягивая бокал.

— Умница, — Герман взял шампанское и сделал глоток.

— Я уж думал, ты решила прогуляться по окрестностям.

Мужчины снова рассмеялись. Алиса смеялась вместе с ними — тихим, стеклянным смехом. «Он везде. У него везде глаза. Мне не сбежать. Мне никогда не сбежать».

Остаток вечера она провела как в тумане. Аукцион — продавали какие-то картины, Герман поднял руку, отдав за полотно сумму, на которую можно было купить квартиру в

центре Москвы. Еще тосты. Еще разговоры. Она улыбалась, кивала, молчала, а внутри клокотала ярость вперемешку с отчаянием.

В машине, когда они наконец покинули особняк и поехали в загородную резиденцию — Герман не захотел оставаться в городе на ночь, — она рискнула заговорить:

— Почему ты так со мной? Перед всеми этими людьми... «дикарка», «обтешем»... Зачем?

Он повернулся к ней — в полумраке салона его лицо казалось высеченным из гранита.

— Потому что правда — лучшее оружие, — сказал он. — Ты действительно дикарка, Алиса. Ты выросла в детдоме, ты не знаешь этикета, ты запинаешься о собственную тень на приемах. Но ты — моя жена, и я делаю тебе одолжение: я тебя образываю. Публично признавая твои недостатки, я показываю этим людям, что контролирую ситуацию. Что ты под моим руководством. Это вызывает уважение.

— К тебе. Не ко мне.

— Естественно, — он пожал плечами. — А за что уважать тебя? Ты пока никто. Но станешь кем-то — со временем. Если будешь послушной.

Она отвернулась к окну. Глаза щипало от непролитых слез. «Я — никто». Он сказал это так спокойно, так буднично, словно констатировал погоду.

Загородная резиденция оказалась трехэтажным особняком в элитном поселке на Рублевке. Высокий забор, камеры

по периметру, охрана у ворот. Еще одна тюрьма, только побольше.

Герман поднялся в спальню первым. Алиса замешкалась внизу, сославшись на усталость и желание выпить чаю. На самом деле ей нужно было побыть одной. Хотя несколько минут. Просто подышать без его присутствия.

Она прошла на кухню. Огромная, сверкающая хромом и мрамором, совершенно бездушная. Включила чайник, оперлась о столешницу, закрыла глаза.

И тут услышала голоса.

Они доносились из приоткрытой двери в конце коридора — кабинет Германа. Он говорил по телефону и, видимо, не заметил, что дверь осталась не заперта. Алиса на цыпочках приблизилась, затаила дыхание.

— ...переведи оставшуюся сумму на счета в Сингапуре, — говорил он. — Да, через те же подставные. Корейцы подтвердили сделку, через три дня получим доступ к полигону. Нет, следов не останется, я лично контролирую всю цепочку.

Корейцы. Полигон. Сингапур. Алиса прижалась спиной к стене, стараясь не дышать.

— ...документы у меня в сейфе, — продолжал Герман. — Да, здесь, в резиденции. Нет, никто не узнает. Жена? — он вдруг усмехнулся. — Жена думает, что я торгую программным обеспечением. Она слишком глупа, чтобы что-то заподозрить.

Внутри у Алисы все похолодело. «Слишком глупа». Он

считает ее глупой. Это... это хорошо. Это значит, он не воспринимает ее как угрозу. Не ждет от нее ничего, кроме истерик.

— Все, до связи, — закончил он. — Через два дня встречаемся в офисе.

Алиса метнулась обратно на кухню. Дрожащими руками схватила чайник, налила кипяток в чашку — половина пролилась мимо. Когда Герман спустился пять минут спустя, она сидела за столом, потягивая чай, с видом самой невинности.

— Ты долго.

— Задумалась, — сказала она. — Устала.

— Иди спать. Завтра у меня дела в городе, ты останешься здесь. Жан-Люк за тобой присмотрит.

Разумеется. Жан-Люк.

Она поднялась в спальню, легла в постель, притворилась спящей. Герман уснул быстро — дыхание стало ровным, глубоким. Алиса лежала без сна, глядя в потолок, и мысли в ее голове кружились, как осы.

Сейф в кабинете. Документы. Корейцы. Полигон.

Она не знала, что именно там происходит, но чувствовала: это что-то темное. Что-то, что он прячет. Что-то, из-за чего ему нужны подставные компании и счета в Сингапуре.

Что-то, что может стать ее оружием.

На следующее утро Герман уехал рано, даже не позавтракав. Алиса осталась в особняке под ненавязчивым, но то-

тальным надзором Жан-Люка. Она снова надела маску: легкий завтрак, прогулка по саду, чтение у бассейна. Все как обычно.

Но внутри шла напряженная работа.

Она знала, где находится кабинет. Знала, что там сейф. И знала — по случайному замечанию оброненному Германом еще на острове, когда он думал, что она не слушает, — что коды на сейфах он ставит одинаковые. Дата основания своей первой компании. Эту дату она помнила: он с гордостью рассказывал ей историю своего успеха на третьем свидании, когда еще притворялся человеком.

Оставалось только найти момент, когда Жан-Люк отвлечется.

И она нашла.

После обеда француз удалился в служебное помещение — в особняке, в отличие от виллы, у него была своя комната, — чтобы созвониться с поставщиками. Алиса выждала десять минут, потом босиком, стараясь не скрипеть половицами, прокралась к кабинету.

Дверь была открыта. Герман настолько уверен в своей безнаказанности, что даже не запирает кабинет в собственном доме. Она скользнула внутрь.

Кабинет был под стать хозяину: темное дерево, кожаная мебель, минимум личных вещей. Сейф — встроенный в стену, за картиной, изображающей морской пейзаж. Алиса отодвинула картину, набрала код дрожащими пальцами.

Шесть цифр. Месяц и год основания компании. Замок щелкнул, дверца подалась.

Внутри лежали папки. Бумаги. Какие-то флешки. И еще — небольшая коробочка, в которой, как она знала, хранилось ее обручальное кольцо: он забрал его после свадьбы, пообещав отдать на годовщину в специальной шкатулке.

Но сейчас ее интересовало другое. Она пролистала верхнюю папку — счета, контракты, все на английском и корейском. Ничего не понятно. Но внизу, под кипой документов, она нащупала маленький пластиковый прямоугольник.

Флешка. Без маркировки, черная, самая обычная.

Она не знала, что на ней. Но инстинкт — тот самый, что спас ее однажды от пьяного приемного отца, а в другой раз — от голодного обморока в зимнем парке, — велел: возьми.

Она сунула флешку в лиф платья. Закрыла сейф. Вернула картину на место. Выскользнула в коридор.

И ровно в этот момент из служебной комнаты вышел Жан-Люк.

— Мадам? Вы что-то хотели?

— Просто гуляю по дому, — сказала она с ангельской улыбкой. — Изучаю. Это ведь теперь и мой дом, верно?

— Разумеется, мадам, — он склонил голову, но в глазах мелькнуло сомнение.

Алиса прошла мимо него с гордо поднятой головой, чувствуя, как флешка холодит кожу. Крошечный кусочек пластика. Может быть, пустышка. А может быть — ключ к сво-

боде.

Вечером вернулся Герман. Он был в хорошем расположении духа, даже шутил за ужином. Алиса поддерживала разговор, смеялась, подливала ему вино. Флешка лежала в тайнике, который она соорудила из отпоротой подкладки дорожной сумки. Она не знала, что на ней. Не знала, удастся ли когда-нибудь прочитать.

Но впервые за долгое время она чувствовала себя не просто жертвой. У нее есть тайна. У нее есть оружие — пусть даже она пока не знает, куда его направить.

А Герман продолжал говорить о каких-то новых контрактах, о том, что на следующей неделе они, возможно, снова полетят на остров. Алиса слушала, улыбалась, а сама думала только об одном.

«Я узнаю, что ты прячешь. И когда узнаю — ты пожалеешь, что считал меня глупой».

Глава 5. Черный лебедь

Два дня. У нее было два дня до того, как Герман снова увезет ее на остров — в каменный мешок посреди океана, откуда не сбежать, не спрятаться, не докричаться. Два дня, чтобы решиться.

Алиса провела их с ледяным спокойствием смертника, который уже принял неизбежное. Флешка по-прежнему лежала в подкладке дорожной сумки — она не пыталась ее прочитать, потому что возможностей не было: в резиденции не нашлось ни одного компьютера, к которому у нее был бы до-

ступ. Кабинет Германа охранялся даже в его отсутствие, ноутбук он всегда носил с собой, а планшет был запаролен многоуровневой защитой. Оставалось только ждать и надеяться, что на флешке действительно что-то важное, а не корпоративные презентации.

Но интуиция говорила: важное. Слишком уж тщательно он все прятал. Слишком много было секретов для человека, который всего лишь «торгует программным обеспечением».

На третий день, ближе к вечеру, Герман вернулся из города возбужденный, почти веселый — опасный признак.

— Сегодня ужинаем не одни, — сообщил он, поправляя запонки перед зеркалом в холле. — Я пригласил гостей.

— Кого? — спросила Алиса, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Губернатора. Пару силовиков. Еще кое-кого из администрации. Неформальная встреча, но важная. Ты должна быть идеальна.

«Идеальна». Это слово она ненавидела уже почти так же сильно, как фразу «ты — моя жена».

— Я постараюсь, — сказала она.

— Не старайся. Будь.

Он ушел наверх переодеваться, а Алиса осталась в холле, прижав ладонь к груди, где под тканью платья — теперь всегда — ощущался крошечный прямоугольник флешки, переложенной в потайной кармашек бюстгалтера. Она не расставалась с ней ни на минуту.

Гости начали съезжаться к семи. Черные внедорожники, мигалки, люди в штатском с неприметными наушниками — охрана губернатора заполнила подъездную аллею, рассредоточилась по периметру. Особняк, всегда казавшийся Алисе пустым и гулким, вдруг наполнился гулом голосов, дорогим парфюмом, осторожным смехом.

Губернатор оказался мужчиной лет пятидесяти, с усталым лицом, но цепкими, ничего не упускающими глазами. Его супруга — дама с прической-шлемом и ледяной улыбкой — скользнула по Алисе оценивающим взглядом и, видимо, осталась невысокого мнения. Рядом с ними держались еще трое: уже знакомый прокурор Антон Ильич, какой-то высокий чин из МВД и лысоватый человек в дорогих очках, которого представили как советника по инвестициям.

Алиса играла роль хозяйки. Встречала, улыбалась, предлагала аперитив, обменивалась пустыми фразами о погоде и красоте загородной жизни. Платье на ней было новое — серебристо-серое, глухое, с длинным рукавом. Герман выбрал его сам, и она догадывалась почему: оно делало ее похожей на бесплотную тень, на блеклое дополнение к его сияющей персоне. Ничего вызывающего. Ничего, что могло бы отвлечь внимание от него.

— Твоя жена — прелесть, — услышала она обрывок фразы, брошенной губернатором Герману. — Тихая, скромная. Не то что нынешние...

— Воспитываю помаленьку, — ответил Герман, и оба рас-

смеялись.

Алиса сделала вид, что не слышит.

Ужин накрыли в парадной столовой. Длинный стол красного дерева, серебро, хрусталь, свечи. Меню из восьми блюд — поваров привезли из города специально. Алиса сидела напротив губернатора и чувствовала себя экспонатом в музее: все смотрели на нее, но никто не видел. Она была функцией. Элементом декора. Доказательством того, что у Орлова все под контролем.

Разговор шел о политике, инвестициях, каких-то законопроектах. Алиса не вслушивалась — смысл ускользал, оставляя только обрывки: «налоговые льготы», «особая экономическая зона», «нужно согласовать наверху». Она ела машинально, улыбалась автоматически, а сама думала только об одном: как долго еще это продлится.

Когда подали горячее, она заметила странный запах. Сначала не обратила внимания — мало ли что на кухне. Но запах усиливался. Пахло паленой проводкой.

Она нахмурилась. Повела носом. Перехватила взгляд Жан-Люка, который стоял у двери, — тот тоже почувствовал что-то, его ноздри дрогнули. Но никто из гостей не замечал: они были слишком увлечены разговором и вином.

А потом свет мигнул.

Один раз. Второй. И погас.

Столовая погрузилась в крошечную тьму — только свечи на столе продолжали гореть, отбрасывая на лица дрожащие

тени. Женщины ахнули. Кто-то из гостей нервно рассмеялся. Герман резко встал.

— Спокойно, — сказал он громко. — Сейчас включат генератор. Жан-Люк!

Но Жан-Люка уже не было у двери — он метнулся куда-то в темноту. Темнота расступилась, а через секунду раздался грохот: что-то тяжелое упало на кухне, послышался звон разбитой посуды. Еще через мгновение в коридоре вспыхнуло оранжевое зарево и поплыл густой черный дым.

— Пожар! — крикнул кто-то.

И начался хаос.

Гости повскакивали с мест, опрокидывая стулья. Губернаторская охрана ворвалась в столовую, расталкивая людей, прикрывая собой начальство. Женщины визжали. Мужчины орали друг на друга, пытаясь понять, куда бежать. Дым заполнял комнату — едкий, пластиковый, от него першило в горле.

Алиса застыла. Сердце колотилось в груди, но мысли, как ни странно, были кристально ясными. Она видела, как Герман бросился к губернатору, что-то крича на ходу. Видела, как Жан-Люк появился в дверях — его белый китель был перепачкан сажей, лицо искажено. Видела, как охранники выводят гостей через главный вход, прикрывая их мокрыми полотенцами.

И в этот момент она вспомнила.

Черный ход для прислуги. Тот самый, который она запрети-

метила еще в первый день. Он вел во внутренний двор, а оттуда — через хозяйственную калитку — на задворки резиденции, куда не выходили камеры основного периметра. Она знала это, потому что изучала. Потому что каждый день, гуляя по саду, запоминала расположение каждой камеры, каждого охранника, каждого замка.

Пожарная сигнализация взвыла — пронзительно, оглушительно. Под потолком захлопали оросители, обрушивая на гостей потоки ледяной воды. Крики стали громче. Кто-то поскользнулся на мокром паркете и упал. Свечи погасли одна за другой.

Алиса попятилась. Медленно, чтобы не привлекать внимания. Сделала шаг в сторону. Еще один. Еще.

Никто на нее не смотрел. Всем было не до нее.

Она развернулась и побежала.

Не к главному входу, куда ломились гости. А в противоположную сторону — через коридор для прислуги, мимо кухни, где уже бушевало пламя. Жар ударил в лицо, когда она пробегала мимо распахнутой двери; горячий воздух обжег горло. Она закашлялась, пригнулась и побежала дальше.

Черный ход был в конце коридора. Тяжелая металлическая дверь с засовом изнутри. Алиса рванула засов — руки скользили, не слушались, — навалилась плечом. Дверь подалась с душераздирающим скрипом и распахнулась в ночь.

Холодный воздух ударил в лицо. Она вдохнула его полной грудью — и чуть не разрыдалась от облегчения. Но времени

не было.

Внутренний двор. Хозяйственная калитка. Она метнулась к ней, нащупала задвижку. Открыла. Сделала шаг наружу — и замерла.

У калитки стоял охранник. Молодой парень в черной форме, который дежурил у ворот. Он, видимо, услышал шум из дома и побежал на помощь. Теперь они стояли лицом к лицу — Алиса в насквозь промокшем серебристом платье, с перемазанным сажей лицом, и охранник, непонимающе хмуриющийся.

— Вы куда? — спросил он. — Там пожар, нужно...

— Там моя свекровь! — выпалила она, сама не зная, откуда взялась эта ложь. — Она не может ходить, она на втором этаже, в синей спальне, помогите, ради бога!

Охранник выругался, рванул калитку мимо нее и бросился к черному ходу. Через секунду он исчез в дымном проеме. Алиса осталась одна.

Три минуты. Жан-Люк говорил однажды — она подслушала, — что во время пожарной эвакуации пост у дальней хозяйственной калитки остается без наблюдения ровно три минуты, пока персонал сбегается к главному входу. Три минуты у нее было.

Она побежала.

Темнота сада обступила ее, ветки хлестали по лицу. Она знала дорогу — успела выучить за эти дни. Через розарий, мимо фонтана, к старому забору в глубине участка. Там, за

разросшимися кустами боярышника, который никто не подстригал, в заборе была дыра. Она обнаружила ее случайно, притворившись, что изучает сад: проржавевшая секция рабицы, которую можно отогнуть.

Вот она.

Алиса упала на колени, вцепилась пальцами в холодную проволоку, потянула на себя. Ржавчина закрипела, проволока подалась, оставляя на ладонях рваные царапины. Больно. Все равно. Она расширила проем достаточно, чтобы пролезть, и боком, обдирая плечи и бедра, протиснулась наружу.

За забором был лес. Обычный подмосковный лес — сосны, папоротники, палая хвоя под ногами. Она вскочила, огляделась. Позади полыхало — оранжевые сполохи освещали небо, дым поднимался столбом, слышались сирены пожарных машин. Впереди была темнота и свобода.

Она побежала снова, не разбирая дороги. Ветки лупили по лицу, острые сучья впивались в босые ступни — туфли она потеряла где-то в доме. Ноги скользили по мху и прошлогодним иголкам. Дыхание сбивалось, сердце колотилось в горле, но она не останавливалась.

Только бы уйти. Только бы успеть.

Через лес, через овраг, через какой-то замерший дачный поселок. Окна дач были темны — не сезон. Собака где-то залаяла и замолчала. Алиса бежала, пока не почувствовала, что ноги больше не держат.

Она остановилась на краю поля. Вдалеке, километрах в

двух, горели огни трассы. Машины. Люди. Цивилизация.

Она обернулась. Зарево над резиденцией все еще полыхало, но она была далеко — спасительно, мучительно далеко. Мокрая, грязная, босая, в драных колготках и с ободранными в кровь руками. Но свободная.

Алиса опустилась на корточки и зарыдала.

Это были странные слезы: не облегчение, не радость, не горе — все сразу. Она плакала по себе прежней, той дуре, которая верила в сказку. Плакала по украденной свободе. Плакала от ужаса перед тем, что только что сделала — и от лишения, что сделала это.

Потом вытерла лицо грязным рукавом, встала и проверила потайной кармашек. Флешка была на месте. Крошечный пластиковый прямоугольник — все, что у нее есть. Оружие, улика, надежда.

Она засунула ее поглубже и, хромая на обе ноги, пошла в сторону трассы.

Первый автобус до Москвы она поймала через час. Водитель, пожилой уса́тый мужик, долго разглядывал ее — грязную, в рваном вечернем платье, без сумки и документов, — но все же открыл дверь.

— Что, девонька, беда? — спросил он негромко.

— Беда, — сказала она. — От мужа бегу.

Он кивнул, словно слышал такое тысячу раз. Протянул ей старую куртку с пассажирского сиденья — «накинь, замерзнешь». Налил из термоса горячего чаю. И больше ни о чем

не спрашивал.

Алиса сидела, укутавшись в чужую куртку, и смотрела, как за окном проносится черное шоссе. Где-то позади остались горящий особняк, муж-чудовище, остров-тюрьма и вся ее прежняя жизнь. Впереди была неизвестность.

Через два часа она была на автовокзале. Через три — купила билет на первый утренний поезд в случайный город N, выбранный потому, что название на табло показалось ей ни с чем не связанным. Через четыре — сидела в зале ожидания, сжимая в кулаке флешку, и смотрела, как за окнами занимается серый, дождливый рассвет.

Она не знала, что на флешке. Не знала, как будет выживать дальше без денег и паспорта. Не знала, ищет ли ее уже Герман — хотя была уверена, что ищет. Но одно она знала точно.

Она больше не вернется в клетку.

Никогда.

Глава 6. Нулевой пациент

Поезд увозил ее в неизвестность, и это было лучшее чувство на свете.

Алиса сидела у окна в плацкартном вагоне — самом дешевом, какой только можно купить за наличные без паспорта, — и смотрела, как за грязным стеклом проплывают перелески, деревеньки, серые поля, прибитые ноябрьским дождем. Мир за окном был тускл и невзрачен, но ей он казался прекраснее любой райской пальмы: он был настоящим. Не

декорацией. Не клеткой.

На ней была чужая одежда. Старая куртка, подаренная водителем автобуса, мятая юбка, купленная на вокзале у цыганки за триста рублей, и разношенные кроссовки с чужой ноги, которые она почти не чувствовала — так заledenели за ночь ступни. Платье, серебристо-серое, рваное и перепачканное сажей, она выбросила в мусорный бак на автовокзале, подальше от камер. Не оставлять следов. Никаких.

Поезд мерно стучал колесами, убаюкивая. Вагон был полупустой — несколько бабок с баулами, студент с наушниками, мужик, храпящий на верхней полке. Никто не смотрел на Алису. Она была просто частью пейзажа — ничем не примечательная девушка в дешевой одежде, с серым лицом и красными от недосыпа глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.